

Лауреаты Всероссийского литературного конкурса «Лебеди над Челнами – 2022»

112

Всероссийский литературный конкурс «Лебеди над Челнами» проводится на татарском и русском языках с 2016 года. Его организатор поэтесса Ольга Кузьмичёва-Дробышевская прислала нам произведения лауреатов конкурса 2022 года, и мы для публикации в нашем альманахе выбрали победителя в номинации проза на русском языке – рассказ «Сапог» Александра Евсюкова.

Александр 39 лет, он не состоит ни в каких творческих союзах и литобъединениях и представляет город Щёкино Тульской области. О своей профессии же он кратко и ясно написал в анкете участника: фрилансер.

Желаем энтузиастам конкурса в Набережных Челнах новых интересных авторов и талантливых победителей!

рассказ

Александр Евсюков

Сапог

СМАРТФОН на прикроватной тумбочке тонко пискнул. Измотанный Даня неподвижно лежал ничком, но уже без малого полчаса как проснулся. Приоткрыв левый глаз, он неохотно протянул руку.

Что-то куда-то пришло и, видимо, как-то его касалось: сообщение, уведомление или же электронное письмо, сразу было не понять. Даня методично

проверил соцсети, промчался по мессенджерам и уткнулся в почтовый ящик – ничего нового. Где же тогда? Ещё через минуту он вспомнил про банковское

Сапог (иносказательно):

- 1. Бывший военный, сохранивший армейские привычки.*
- 2. Невежественный, не разбирающийся в чём-либо человек*

приложение – решил проверить и его. Дважды сбивался, набирая ПИНкод. Наконец мультяшные облака на экране расступились и пропустили его к виртуальным сокровищам.

«Входящий перевод – 50 000 рублей». Даня, резко подскочив, сел в кровати и кулаком протёр глаза. Затем пересчитал нули. Всё верно и никаких данных – откуда вдруг такое счастье?

Теперь ему не было покоя. Заварив чай, он стал проверять и тут же отбрасывать разные версии. Итак, работы у него сейчас нет, и заказчики ничего ему не должны. До дня рождения ещё почти четыре месяца, да и кто бы мог так расщедриться? Даже жена вдруг решила, будто они разругались, причём так, что она наскоро собралась и в час ночи укатила на такси к родителям. Уже третий день сидит там вместе с детьми.

Допив остывший чай и перебрав привычные варианты, как ворох сваленной на пол одежды, Даня размашисто шагнул из кухни в комнату и споткнулся о нераспакованные коробки с остатками тиража его книги. Тут Даня вспомнил, что он – писатель и горько усмехнулся. Конечно, говорить об этом некрасиво и даже думать так не совсем неудобно, но проверить-то всё-таки надо. И не только надо, но и очень хочется. Причём с каждой секундой всё сильнее.

Даня нашёл закладку с сайтом, где выставлена его электронная книга. Выставлена бесплатно, но снабжена настоятельной просьбой: перечислить автору немного материальных средств по мере возможности. Ага, шесть скачиваний. Вчера было только пять. Смелая мысль вдруг закралась в Данину голову: а что, если за прошедшие сутки кто-то скачал эту его единственную книгу? И потом этот кто-то стал читать и оказался под столь сильным впечатлением, что отправил ему сумму, в сто двадцать пять раз большую, чем Даня мог рассчитывать в своих самых смелых ожиданиях. Ну, да-а, конечно, – на четвертом десятке ты всё ещё веришь

в сказки? До этого момента в его виртуальный карман прилетели только два жалких стольника. То есть сначала пара воробышек-заморышей и вдруг – целый птеродактиль! Интересно, кто же этот его неведомый благодетель? Или просто дурацкая ошибка номером и теперь этот кто-то уже названивает в колл-центр, требуя немедленно вернуть всю сумму обратно?

Попробовал было писать, но все мысли как отрезало. Причём Даня понял это сразу, едва проснувшись, ещё до пислявого оповещения. Все герои показывали ему фигу, пейзажи и обстановка размывались бесцветными пятнами – самая суть ускользала. Он писал, перечитывал и всё удалял. Часы бесплодно проходили, но оправдать своё существование сегодня было нечем.

Вконец измучившись, Даня собрался и вышел за покупками. Интересно получится, если деньги исчезнут ровно в тот момент, когда ему всё пробьют на кассе и останется только оплатить. Однако до магазина было совсем недалеко, и, начав с малого, он вошёл в азарт и вот уже набрал целую тележку. Выгружая продукты на ленту, Даня ловил на себе подозрительные взгляды. Или показалось? Но оплата легко прошла с первого раза. На радостях он даже подсыпал мелочи калеке-нищему.

Войдя в квартиру, Даня сразу заметил, что свет на кухне включён. За столом расположился его тесть – как всегда обритый налысо «сапог» в отставке, поджарый и собранный. Уже несколько лет он замдиректора по кадрам в ЧОПе «Гранитный мир». Или что-то в этом роде.

Даня прошёл на кухню, не разуваясь и не выпуская тяжёлых пакетов из рук. В воздухе будто трещало электричество. Краем глаза он заметил, что телевизор включён без звука.

– Здорово, Юрьич, – поставив пакеты на пол, Даня с внутренней опаской протянул ему руку. Тот крепко её стиснул.

– Мне Аня свой ключ выдала. Садись, поговорим.

Даня медленно опустился на табуретку. Как же ему теперь говорить? С таким родственником будто весь русский язык забываешь. Надо сразу брать в руки военный устав, чтобы перевести свои штатские мысли на понятные ему термины.

– Сижу.

– Взял что? Или одна закусь? – поинтересовался тесть.

– Еды набрал. Ну, ещё чайку и сока три пачки.

– Заработал много?

– Пока сам не пойму.

– Это как?

– Да вот, пришёл какой-то перевод непонятный.

– Так надо сообщить куда следует!

– А куда теперь сообщают? – промямлил Даня.

Но вместо чёткого ответа или нового вопроса тесть странно усмехнулся:

– Ну, это успеется. У меня есть с собой чуток – для понимания.

И выставил на стол коньячную бутылку, как солдата на пост.

– Разливай давай! Вздрогнули! – крикнул тесть. – Что у вас с Аней такое?

– Решили отдельно побыть, успокоиться.

– Значит, нашли время чувства проверять. А чем ты вообще зарабатывать думаешь?

– Может, к вам в контору пойду?! – нашёл Даня.

Тесть, опрокинув в себя стопарь, окатил его пренебрежительным взглядом, как негодного к строевой новобранца:

– Не возьму. Там ты быстрее всех накосячишь. Вот что ты реально по жизни делать можешь?

– Много чего, – пожал плечами Даня. Тесть покачал головой:

– Много чего ты перепробовал, только не прижился нигде. Так?

– Можно и так посмотреть...

– А, значит, можешь ты делать ровно две вещи – внуков мне и книжки свои писать.

– Да это на хер никому... – стал было возражать Даня.

– Отставить, солдат. Внуки от тебя годные.

Тесть махнул ещё стопку. Он сегодня пил чаще, а ошалевший Даня уже дважды пропускал.

– Слушай, – продолжил тесть, – я, когда сюда собирался, Аню сначала послушал, на внуков внимательно поглядел. Почти уже надумал тебе морду бить, конкретно так, основательно. Чтобы в чувство привести. – Даня вздрогнул. – Но я же теперь не в своей части – тут настрой нужен. Тогда вспомнил, что ты там чего-то пишешь, а я не читал и даже не заглядывал. Дураку понятно, что говно, но всё-таки непорядок. Дай, думаю, загляну сперва и пойду завтра с чистым сердцем. А книжки твоей как раз и нет, затерялась куда-то. Непорядок, думаю, – всё равно найду, из принципа. Пошёл в Интернет скачивать. Полазил там и нашёл. Долистал было до середины, потом в начало вернулся. Читаю, читаю – и как-то не так мне становится, не пойму отчего. Как будто похмелье прошло, а трезвость не наступила, – он смущённо провёл ладонью по лысине, будто говорил о чём-то постыдном. – И вдруг... шарахнуло, почти как при контузии. Это же – про меня. Точно про меня. Только я бы слов таких не подобрал. Одни мысли куцые, а тут – на тебе... Потом сижу, думаю, аж вспотел: как эта штафирка протёртая, свинья в берлоге, прохвост, пороху не нюхавший, такое вот изнутри меня вынул, откуда в нём-то это всё?? Так до утра и просидел, пока из-за стола не

выгнали. Тогда втихаря и перевёл тебе денег. Чтоб даже не думал, чтоб ещё писал.

Тайна так внезапно и при этом просто открылась. Даня изумлённо застыл, вглядываясь в лицо тестя.

– А потом взял себя в руки и думаю: схожу, проверю, как он там? Может, шалав себе навёл, пока один-то? Ну, вижу, молодец, – работай дальше!

– На балконах курить по закону не положено, – предупредил тесть.

– Ну, один-то раз отступим, ради такого случая, – подмигнул Даня.

Георгий Юрьевич согласился. Они встали рядом.

– Есть всего две важные вещи: звёздное небо над нами и нравственный закон внутри, – изрёк Даня. – Так говорил этот... философ Кант.

– Небо и закон – это хорошо, – со значением кивнул Георгий Юрьевич.

Как же всё к этому пришло, думал Даня. Он же не хотел этого, откладывал, занимался другим. Но что-то неудержимо полезло и попёрло из него кусками, абзацами, страницами и уже не позволяло ему остановиться. Другая сторона жизни время от времени выныривала из тумана, как круп лошади, и вскоре снова скрывалась в нём. Детский сад, пособия, подработки...

Одну книгу, как первое совместное бедствие, они с супружницей как-то пережили. Но когда через неделю после презентации он заявил, что берётся за вторую, Анино терпение лопнуло. Даня чувствовал себя бездушным эгоистичным чудищем, но «расколдоваться» никак не мог. Она бросала ему прямо в лицо самые ядовитые и заковыристые оскорбления, какие только могла выдумать, а он чувствовал, что не способен ни разозлиться, ни огрызнуться всерьёз. Даня будто слушал незнакомые прежде модуляции на совершенно новом, неизвестном ему языке и даже раз совершенно невпопад улыбнулся.

Аня, стукнув дверь, ушла в ночь. Младшая была завернута с головой, старший понуро топал рядом.

А он остался. И, к своему горькому стыду, был почти счастлив. В холодильнике кое-что оставалось, и можно было до послезавтра никуда не выходить. Через три минуты Даня засел писать. Среди ночи внезапно вспомнил, что надо бы спросить, как они там доехали. Отправил вопрос в мессенджер. «Ты – мудака», – ответила она следующим утром. «Знаю», – написал он, убедившись, что всё в порядке.

– А ты пиши. Пиши... пока никто не видит. Как будто *на губе* уже сидишь, всех обманул и пишешь. Это каторга твоя. И привилегия. Пока не застучали – пиши. Я не смогу так. Хоть удавлюсь – не смогу. Анька – она хорошая. Детей воспитает. Мы с матерью поможем, когда чего... И ты тоже что надо сделаешь, – Георгий Юрьевич ткнул пальцем

в сторону Дани. – А пока – пиши. Закройся, упрись – и до опупения. Это как плац драить... Как за родину в рост из окопа. Это как, ну, это... самое то...

Голова тестя повисла, его подбородок уткнулся в грудь. Слыша тихий храп, Даня чувствовал, как трезвеет. Сквозь этот пошлейший разговор, с извечным переливом из пустого в порожнее, вдруг сверкнул первоначальный смысл. Этот «сапог», в жизни своей не читавший ничего, кроме уставов, неожиданно понял его задачу. Причём понял даже лучше, чем понимал прежде он сам. Даня раздвинул и застелил гостевой диван, осторожно подвёл к нему тестя и заботливо его уложил.

Снова вышел на балкон, на этот раз отчётливо представив себе, как прижимает к себе жену и как по очереди целует обоих детей. Но, главное, этот кусок ночи в затихшем доме вечно не спящего города – его и только его время.

